
НОВАЯ ФИЛОСОФИЯ ГЛОБАЛЬНОГО ПОЛИЦЕНТРИЧНОГО МИРА

Старостин А. М.*

Даны авторские ответы на постановку проблемы о парадигмальном сдвиге в мировоззренческом взгляде на современную глобализацию, содержащуюся в юбилейном докладе Римскому клубу [Weizsaecker, Wijkman 2018]. Представлена идея альтернативных моделей глобализации, предпосылки каждой из которых уже намечены и укоренены в современной глобальной динамике (полисекторная, глобально-антропологическая, эволюционно-космическая). Выбор той или иной модели в качестве основной влечет особые риски и последствия, а также требует репрезентации соответствующих базовых стратегий глобального развития. В качестве приоритетной и соответствующей современному этапу глобальной динамики предлагается глобально-антропологическая модель, в рамках которой происходят мегасоциальная трансформация, смена фундаментальных установок и стратегий социальной жизни на уровне массового социального бытия: переход к модели личностной и групповой самореализации и концентрации глобального человеческого капитала (потенциала). В качестве основной методологии репрезентации проблемы предлагается авторский инструментарий исследовательской философии.

Ключевые слова: глобализация, глобальная динамика, локальные цивилизации, антропологический скачок, междисциплинарный синтез, глобальное управление, глобальная субсидиарность, исследовательская философия.

In the article the author responds to the problem setting concerning the paradigmatic shift in the worldview on the current globalization presented in the anniversary report to the Club of Rome [Weizsaecker, Wijkman 2018]. There are presented alternative models (polysector, global and anthropological, evolutionary and space) of globalization whose prerequisites are already outlined and root in the current global dynamics. The choice of this or that model as the major one brings peculiar risks and consequences and also demands a representation of corresponding basic strategies of global development. The author suggests a global-anthropological model as the primary model corresponding to the present stage of global dynamics since it implies a megasocial transformation, the change of fundamental attitudes and strategies for social life at the level of mass social existence: and also a transition to the model of personal and group self-realization and concentration of the global human capital (potential). The author's tool-set of research philosophy are offered as the main methodology for representing the problem.

Keywords: globalization, global dynamics, local civilizations, anthropological jump, cross-disciplinary synthesis, global management, global subsidiarity, research philosophy.

* Старостин Александр Михайлович – д. полит. н., профессор, директор Института междисциплинарных исследований глобальных процессов и глокализации Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). E-mail: amstar2912@mail.ru.

В современной науке, экспертных разработках, в общественном мнении достаточно устоялся и занял свое место концепт *глобализации общества*. Его принято определять как «процесс универсализации, становления единых для всей планеты Земля структур, связей и отношений в различных сферах жизни общества» [Глобалистика... 2006: 163], он применяется для обозначения «интеграционных и дезинтеграционных процессов планетарного масштаба в области экономики, политики, культуры, а также антропогенных изменений окружающей среды, которые по форме носят всеобщий характер, а по содержанию затрагивают интересы всего мирового сообщества» [Чумаков 2012: 5]. Соответственно, результаты исследований и различных интерпретаций процесса глобализации концентрируются в междисциплинарной области научных исследований, получившей название *глобалистика*. Ее усилия направлены «на выявление сущности глобализации, причин ее появления и тенденций развития, а также на анализ порождаемых ею позитивных и негативных последствий» [Там же: 4]. В целом данные определения приемлемы. Однако в них есть весьма существенные нюансы, которые требуют уточнения.

Прежде всего следует отметить, что «глобалистика» на сегодняшний день представляет собой не междисциплинарную область исследований, а *многодисциплинарную* область. Хотя сама проблема глобализации и требует перехода на *междисциплинарный* уровень, но современная матрица науки и логика ее реализации развертываются по традиционному научно-аналитическому сценарию: репрезентации характеристик глобализации на дисциплинарном уровне (экология, метеорология, политология, социология, экономика и др.), выходя в итоге на постановку проблемы сборки дисциплинарных образов в целостный образ глобализации. Однако примеров сборки на сегодняшний день очень мало, и они нас не вполне устраивают. Да и само состояние глобалистики как комплексной области познания и знания еще далеко от того, чтобы осуществить успешный синтез, или, говоря современным языком, теоретическую сборку.

Ведущие глобалисты вполне осознают сложившуюся ситуацию: «Глобалистика как новое научное направление, ведущее исследование проблем глобального масштаба и общечеловеческой значимости, еще находится на стадии становления» [Глобалистика... 2006: 196]. И, как совершенно правильно подчеркивается, здесь еще преобладают аспектность, описательность, ситуативность, связанная с текущими коллизиями глобального уровня. В этом противоречии и состоит одна из основных проблем современной глобалистики. Другая связана с определенным «забеганием» прикладных аспектов по отношению к фундаментальным.

Можно также подчеркнуть и наличие существенных моментов политико-идеологического воздействия, ведущих к лоббированию взглядов, интересов, подходов отдельных крупных государств, союзов государств или крупных ТНК и репрезентации выдвигаемых ими концептов в качестве универсальных или «подлинно глобальных».

Данные коллизии отмечаются в современных работах по глобалистике. В обостренной форме и с указанием на первостепенную значимость переориентации социально-мировоззренческих подходов и взглядов на глобализацию выступили классики в области глобального моделирования – организаторы и координаторы Римского клуба в юбилейном докладе этому клубу (2018 г.) «Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet».

В нем содержится призыв к разработке новой стратегии «гарантированной планетарной безопасности и выживания» в условиях «полного мира», что требует формирования нового мировоззрения, основанного на «новом Просвещении». Безусловный акцент делается на формировании гуманистических ценностей нового поколения, требовании критического пересмотра нарастающих глобальных рисков, продуцируемых современным спекулятивным капитализмом.

Однако авторы не предлагают новой модели глобализации, влекущей за собой смену социальных установок в ответ на нарастающий вал массового потребления и формирование новой системы глобального регулирования и управления, которые бы пришли на смену экономическим и политическим институтам глобально-капиталистического рынка. Поэтому претензия на выдвигание новых глобально-мировоззренческих ориентиров должна, как и в юбилейном докладе Римскому клубу, отталкиваться от репрезентации современной глобальной динамики, однако исходящей прежде всего из гуманитарных и обществоведческих подходов, а не только натуроцентрических, которые ярко демонстрируют А. Вийкман, Э. Вайцеккер и их соавторы в упомянутом докладе.

Обращаясь к рассмотрению современной глобальной динамики с учетом уже имеющегося когнитивного опыта, и прежде всего имея в виду контекст альтернативных подходов и их оснований, обозначим основные коллизии современной глобальной динамики (глобальный контекст и детерминанты его неустойчивости).

а) Прежде всего это переход от системы глобальной иерархии, сложившейся и функционировавшей четверть века, связанной с распадом СССР и социалистической системы, что получило название «однополярного мира». В настоящее время формируется полиархическая система, связанная с существенным укреплением экономического и военного потенциала Китая, а также Индии и изменением политических притязаний России. Все это может быть названо устремленностью к *глобальной демократии*. На очереди становление новых международно-правовых и международно-финансовых отношений, что может также занять 25–30 лет. Но в итоге сформируется политико-экономическая платформа нового этапа глобализации.

б) Не следует упускать из виду, что глобальные экономические и политические процессы сопровождаются и балансируются сопряженным *процессом государствообразования*. За период с конца 1940-х гг. (около 65 лет) число государств в мире выросло более чем втрое. Государствообразование этого периода включает две интенсивные волны: послевоенную, связанную с распадом колониальной системы Запада, и постсоветский период, связанный с распадом СССР и восточноевропейской социалистической системы. Именно государствообразующий процесс способствовал становлению глобальной демократии посредством ускоренного развития новых крупных государств и образования новых государственных союзов, не связанных с геополитическими и геоэкономическими мотивами и интересами, сложившимися под влиянием стран Запада.

Следует также подчеркнуть обозначение в духе талебовских «черных лебедей» феномена несостоявшейся «этнодоместикации» («одомашнивание этносов») и существенное усиление тенденций к этносуверенизации, а также формирование устойчивых и автономных диаспорально-культурных структур внутри «донор-

ских» государств и кризис доктрин типа «плавильного котла», «мультикультурализма» и «союзов братских народов».

в) Формирование парадоксальных траекторий макросоциального развития, генерируемых на стыке разных цивилизационных ступеней развития и направленных на устранение межступенных барьеров через социальный взрыв, скачок, таких как демографический взрыв, миграционный взрыв, гендерный взрыв, экстремистско-террористический взрыв. Это сочетается с применением глобальных инноваций для поддержания этих новых девиационных кластеров и «пузырей» массового иждивенчества и застревания на уровне низких мотивационно-потребительских ниш, культивирования традиционных и архаических субкультур. Данные проявления требуют подробного рассмотрения в парадигме не только расширения социокультурного разнообразия, но и рисков глобального развития, связанных с переизбыточным заполнением уже «заполненного» (по выражению классиков Римского клуба), или относительно «заполненного» мира.

г) Мощным фактором становления нового этапа глобализации и нового глобального контекста выступают *цивилизационные факторы*, возобновление локально-цивилизационной динамики. На это повлияли как изменение баланса отношений крупнейших государств и новых государственных объединений (США и ЕЭС, Китай, Индия, Россия, страны Ближнего и Среднего Востока), так и девальвация объединяющего потенциала крупнейших идеологических систем (национал-социализм, коммунизм, либерализм). Ныне, наряду с христианско-протестантскими началами, которые продолжают занимать ведущее место в ценностно-цивилизационном ряду, усиливается влияние конфуцианско-буддийского комплекса, палитры исламских религиозно-ценностных комплексов, а также православно-христианских цивилизационно-духовных начал.

д) Следует подчеркнуть ныне четко обозначившееся существенное воздействие на становление нового глобального контекста *культурно-антропологических факторов*. Они связаны прежде всего с очень высокой динамикой в прохождении населением многих стран мира, макрорегионов основных ценностно-мотивационных ступеней в процессе первичной и вторичной социализации. Прежде всего это выход основной массы человечества за послевоенный период на ступень массового материального потребления и некоторой части населения мира (до 15–20 %) – на ступень личностной и духовной самореализации и духовно-культурных приоритетов в массовом потреблении.

Можно предположить, что в последующие 25–30 лет (жизнь одного поколения) приоритеты духовно-личностной самореализации не только станут нормой для элитного и среднего слоя, но и распространятся в массовом слое, что, скорее всего, отразится и на приоритетах глобальной экономики, а также будет связано со становлением новых технологических укладов и их задействованием для обеспечения мотивов и потребностей высокого уровня.

Наряду с пятью обозначенными тенденциями, определяющими облик новой парадигмы глобализации в первой половине XXI в., следует особо подчеркнуть детерминанты, которые «подталкивают» движение мира в данном направлении. Это прежде всего:

е) интенсивный процесс *глобальной экономической перестройки*, основные проявления которой сводятся к следующим направлениям:

– в технологическом плане это четвертая промышленная революция (по Клаусу Швабу [2017]) или, о чем чаще говорится в отечественной экономической литературе, переход к шестому технологическому укладу, вытекающему из кондратьевских циклов [Глазьев 2010; Акаев, Садовничий 2012]. И в том и в другом случае говорится о начале 20-х гг. XXI в., и сюда включают такие базовые технологические новшества, как освоение технологий квантовых вычислений и искусственного интеллекта (ИИ); Интернета вещей (ИВ); трехмерной печати; создание мощных нано- и биотехнологических отраслей; зеленая экономика; новая (микрокосмическая и макрокосмическая) энергетика; создание транспортной инфраструктуры, базирующейся на новых энергетических носителях;

– в финансово-экономическом плане это преодоление расширяющегося разрыва между реальной глобальной экономикой и финансовой сферой через посредство инфосферы и информационных регулятивов рыночных обменов;

– глобальная капитализация человеческих ресурсов (многопараметрическая) и, в частности, рост социальной сферы, что явно обозначилось в странах ЕС, на которые уже приходится около 60 % совокупного мирового объема социальных расходов при менее 10 % населения мира [Глобальная... 2014: 31–32];

– формирование геокосмической экономической инфраструктуры [Старостин 2009: 115–121];

– формирование эколого-экономической сферы (производство замкнутых и открытых экологических макро- и микросред).

К этому необходимо добавить:

ж) глобализацию и синхронизацию развития научно-инновационных процессов, прежде всего сопряженных с *глобальной цифровой инфосферой*, что проявляется:

– в формировании глобальной инфосферы как суммы инфомиров с атрибутами самоорганизации и саморазвития и перемещении туда научно-экспериментальной и проектной деятельности как базовой области практического опыта и его верификации (альтернативная когнитивистика) [см. подробнее: Его же 2015: 163–165]; освоение новых фрагментов фундаментальной реальности и установление сопряжений (не только когнитивных) между этими областями и инфореальностью;

– концентрации научно-инновационных процессов на сохранении и приумножении человеческого потенциала и поддержании потенциала самоорганизации глобального социума;

– формировании новой волны военно-технологической и военно-политической революции, позволяющей парировать, купировать и элиминировать возможности оружия массового поражения; перемещении военной конкуренции в область инфосферы (когнитивное оружие, кибероружие) [Мировойна... 2015].

Указанные факторы, формирующие глобальную динамику на новом этапе, мы, конечно, должны иметь в виду не только при разработке новой картины глобализации, но и при проекции глобальных процессов на локальный уровень.

Важнейшим аспектом современной глобалистики в данном случае выступает исследование проекции глобальных процессов на макрорегиональные и локальные системы, что получило название глокализации [Глобалистика... 2006: 243–244].

Основной смысловой посыл макрорегиональной проекции глобальных процессов должен быть прежде всего связан с сотрудничеством. Естественно, что конкурентные начала в экономическом и политическом взаимодействии государств, отдельных регионов и крупных корпораций никто не отменял. Но они должны развиваться в русле цивилизованных отношений, основанных на правовых и договорных кросс-культурных началах.

Между тем современный этап глобализации, как и предшествующие ему, показывает порой преобладание других начал: когда конкуренция выходит на уровень конфликтов – сначала низкой интенсивности, а потом и с использованием жесткой силы, включая военное принуждение.

Основываясь на представленной картине современной глобальной динамики, затрагивающей прежде всего когнитивные, гуманитарные, социально-трансформационные аспекты, укажем на основные детерминанты, которые хотя и позволяют дать ту или иную феноменологическую репрезентацию современных глобальных процессов, но не дают возможности «склеить» из них концепты философско-мировоззренческого уровня. С чем это связано?

Это определяется в **фундаментально-научном** аспекте исчерпанием исследовательского потенциала секторного (монодисциплинарного) и полидисциплинарного научного подхода к глобализации и необходимостью выдвижения концептов (паттернов), базирующихся на междисциплинарном подходе.

В **ценностно-идеологическом** плане картина социально-глобальной эволюции, замкнутая на социалистические, либералистские, анархистские, консервативные подходы, претерпела кризис и перестала выполнять оптимальные социально-ориентирующие функции для обоснования перспективных экономических, социальных и политических решений стратегического уровня на государственном и межгосударственном уровнях.

В **глобально-управленческом** аспекте исчерпаны схемы политико-экономической регуляции, основанные на глобальных образах биполярности и однополярного мира, глобальной иерархии, а стратегические схемы полиархического глобального управления и взаимодействия пока не выработаны либо только вступили в фазу первичной апробации.

В аспекте **локально-социальной и личностной идентичности** исчерпаны возможности социализации по типу традиционного общества и общества модерна, начинают преобладать регулятивы идентичности многосоставного и многоуровневого характера, что скорее дезориентирует социальные группы и индивидов, не создает долгосрочных перспектив развития личностного и социального характера.

Применительно к **российским современным реалиям** нарастают неопределенность и несостыковка образа растущего центра глобального влияния России как государства и локальной цивилизации с неясностью локально-цивилизационных и политико-экономических оснований этого процесса.

Все отмеченные аспекты требуют своего когнитивного и управленческого реформатирования и введения в русло сбалансированного когнитивно- и ценностно-ориентирующего стратегического видения, что востребует и новую философию глобального мира, и исходящие из нее новые модели и стратегии глобального развития.

Это позволяет нам обратить внимание на нашу авторскую концепцию исследовательской философии, распространяемую в том числе и на философию глобализации.

Остановимся прежде всего на общих метафилософских подходах подробнее. Характеризуя процесс развития современной философии с метафилософских позиций, нельзя не отметить то обстоятельство, что ее развитие в целом опирается на несколько потоков: академический (фундаментальный) дискурс, диатрибический дискурс (просветительский) и исследовательский дискурс. Последний для нас зачастую выступает синонимом прикладных исследований и разработок, ибо, по совершенно справедливому замечанию К. Поппера, истинно философские проблемы всегда коренятся в других проблемах, лежащих за пределами философии, и философия умрет, если лишится этих корней.

Конечно, исследовательский момент содержит и академическая (фундаментальная) философия. Но он очень специфичен, поскольку в фундаментальной части весьма медленно чувствуется продвижение к новому, и, конечно, в существенной мере зависит от того опыта, который обозначен в прикладных философских исследованиях и разработках, которые, в свою очередь, поддерживают общественное внимание и запрос на философию.

В этом плане можно обозначить по меньшей мере три траектории развития исследовательской философии: 1) философская инноватика; 2) философская диатрибика и 3) философская альтернативистика. Далее скажем об этом вкратце.

Расширение поля философских приложений и разработок, которые в основном включают в состав философской проблематики и новых знаний, источники которых находятся за пределами сложившейся системы фундаментальной философии, – это известный постулат К. Поппера, на который мы уже ссылались. Тем самым *философская инноватика* – наиболее динамичная часть системы исследовательской философии, она быстро наращивает новые области философского опыта, обобщение которых позволяет выйти на новые рубежи фундаментальных философских знаний и представлений.

В современном обществе отношение философов к прикладной философии неоднозначно. С одной стороны, что это за приложение в рамках такой целостной системы миропонимания, как философия? Такими приложениями обычно выступают результаты познания конкретных наук, исходящих из той или иной картины мира и руководствующихся философской методологией. Но, с другой стороны, анализ продукции философов показывает, что более 90 % из них осуществляют процессы «обобщения» данных этих конкретных наук, либо, чаще всего, их труды сводятся к новым интерпретациям и комментариям уже давно наработанного фундаментально-философского знания. Новые фундаментальные системы и результаты в философии очень редки.

Между тем быстро растет запрос на приложение философии к различным областям науки и практики. Это и «философия науки», и «философия политики», и «философия образования», и десятки других «прикладных философий».

Конкретизируя сказанное, подчеркнем: философской инноватикой следует называть сферу интеллектуальных и практических разработок междисциплинарного вида, осуществляемых с помощью инструментария философской рефлексии.

Следующее положение. Появление новых фундаментальных философских систем, позволяющих раскрыть традиционные философские проблемы с принци-

пиально иных позиций, стало особенно заметно в неклассический период, когда появились системы, не только опирающиеся на исследования мышления, его границ и возможностей, но и обозначающие такие направления, как философия жизни, феноменология, философский прагматизм, герменевтика, религиозная философия, философия языка, философия подсознательных процессов и марксизм.

Все это укладывается в нелинейно развивающееся многообразие философских систем, которые эволюционируют по принципу гомологических рядов, образуя **диатропический мир философии** (диатропика – учение о разнообразии и его закономерностях, см.: [Чайковский 1992]).

Отражению этого мира в диатропическом и инновационном ракурсе посвящен значительный массив литературы, освещающий панораму развития современной философии.

Далее следует указать на еще одну область исследовательской философии – **философскую альтернативистику**, которая может быть понята по аналогии с математическими, физико-теоретическими и космологическими конструктами, исходящими из разной аксиоматики. Например, аналогом семейства неевклидовых геометрий могут выступать негеоцентрические онтологии, разработка которых стартовала одновременно с началом физического и космологического познания микро- и мегаобъектов в XX в.

Новый бытийный опыт потребовал исследований в области **альтернативной онтологии**, включающей онтологические миры с иными, нежели макроземной, атрибутивными характеристиками: неевклидовым пространством, неньютоновским временем, нелейбницевской структурой (целое, включающее части, и наоборот), неархимедовским количеством и т. п. [Бранский 1973; Кулаков и др. 1992; Метафизика... 2007; Югай 2007].

В связи с развитием исследований в области искусственного интеллекта, интеллектуальных проявлений в жизнедеятельности животных, а также разработкой проблемы SETI и SETI (внеземные цивилизации, внеземной разум и контакты с ним) на базе такой междисциплинарной области, как когнитология, включающей и философию, формируется новое направление – **альтернативная когнитология**, что также находится в русле философской альтернативистики как исследовательской философии.

Нужно подчеркнуть, что в последние годы по мере дистанцирования от монопольных притязаний социальной философии марксизма в российской его версии стали быстро набирать темпы развития **альтернативные социальная философия и философия истории** [Альтернативные... 2000; История... 2009; Переслегин 2012; Турчин 2007].

Что касается **альтернативной аксиологии**, то сразу отметим, что мы имеем в виду анализ и обобщение разнообразных аксиологических систем, сформировавшихся в рамках современного процесса глобализации и предъявляющих активные притязания на влияние и самоутверждение в современном мире. Это не прежние мировоззренческие и идеологические системы, отражающие положение традиционного макросубъекта (класс, сословие, профессиональная или этническая группа и т. п.) в политической, экономической, духовно-культурной системе, а более глубинные, на природу и роль которых ранее не обращалось пристального внимания. Они были как бы «утоплены» в глубинных процессах социального бытия,

лишь в переходные эпохи выплескиваясь на его поверхность (расизм и фашизм, феминизм, субкультурные проявления «креативного класса» и «новых пассионариев» и т. д.). В последние годы это вошло в круг исследований «новой субъектности» [Новое... 2011].

Следует подчеркнуть, что инструментарий исследовательской философии и ее приложений ориентирован на решение сложносистемных, междисциплинарных проблем, где совершенно недостаточен монодисциплинарный инструментарий и необходимо решать задачи выявления оснований науки, осуществления синтеза различных дисциплинарных отраслей, разработки проектов сложносистемной деятельности, направленной на большую перспективу, решение социально-практических задач, сопряженных с деятельностью субъектов с разнонаправленными стратегиями, и т. п.

На первый взгляд, современная прикладная философия как философская инноватика, следуя общей схеме научного поиска, должна укладываться в его логику, проходить необходимые здесь этапы и использовать общепринятый научный инструментарий. Например, согласно известной схеме: «проблема – гипотеза и способы ее апробации – теория – новая проблема». Однако при исследовании сложных органических систем данный инструментарий серьезно усложняется. Появляются целые методологические комплексы, диктуемые особенностями объекта и условий его существования, такие как поиск исходных начал, «клеточек» и восхождение от абстрактного к конкретному; инструментарий сложносистемного анализа и междисциплинарного синтеза, поскольку органические системы – это сложные образования, объекты, не только формирующиеся на стыке нескольких «начал», но и серьезно взаимодействующие со средой и включающие плотные информационные потоки по принципу обратной связи.

В рамках современной прикладной философии как философской инноватики прописан новый усложненный алгоритм, апробированный в общих чертах в научно-инновационной практике (различные кейсы) междисциплинарного синтеза. В самых общих чертах эта поэтапная алгоритмическая схема выглядит следующим образом:

1. Вычленение системы познавательной ситуации и ее конкретизация применительно к условиям познания междисциплинарного предмета.
2. Исследование опыта и как когнитивного источника, и как особой части компонента когнитивного и практического процесса с прямыми и обратными связями, ведущими к управляющему процессом субъекту.
3. Исследование операций обобщения опыта на научно-дисциплинарном и междисциплинарном уровне.
4. Анализ логического инструментария и выделение областей оптимальной применимости разных логик: логики тождественных отношений, логики противоречия, логики подобия (толерантных отношений), диатропической логики.
5. Исследование условий диффузии, транзита когнитивных продуктов, их практического закрепления и апробации, а также тиражирование, изучение последствий этого и определение оптимальных условий их дальнейшего использования.

Это самая приближительная операционная схема. Но, как видно, она исходит уже из системного характера познавательной ситуации, сложных и динамично изменяющихся сопряженных отношений субъекта и объекта. Здесь по ходу раз-

вития этих отношений органично не просто включение рефлексии на том или ином этапе, а их непрерывное рефлексивное сопровождение. Вот что характеризует инструментарий современной прикладной философии как важного механизма междисциплинарного синтеза. А этот синтез особо необходим в процессе изучения сложных социально-органических систем. Ибо только с помощью предметно-дисциплинарного инструментария не удастся их адекватное постижение.

Если обратиться к конкретному кейсу, связанному с глобалистикой, видно, что проблемная ситуация в развитии глобальных процессов фиксируется ныне концептами: «деглобализация», «глобальная перестройка», «инклюзивная глобализация», «переход к альтернативным моделям глобализации». Интерпретация указанных коллизий требует когнитивных усилий, направленных на развитие теоретического и прикладного инструментария современной глобалистики. Необходимо особо остановиться на идее альтернативных моделей глобализации, которая была нами введена недавно на основе использования указанных выше направлений и подходов исследовательской философии.

Подчеркнем в итоге два вполне остро заявивших о себе в сфере современной глобалистики обстоятельства: во-первых, нарастание когнитологического дефицита в области понимания сущности и механизмов глобальных проблем; во-вторых, недостаточность и противоречивость усилий государств и межгосударственных акторов в сфере выстраивания системы глобального управления.

В этом контексте как новое направление предлагается концепция «альтернативной глобалистики», где в качестве основы выдвигаются исследование и соотнесение ряда парадигмально-концептуальных коллизий в области современной глобалистики. Движение в русле синтеза этих коллизий должно будет способствовать более глубокому пониманию сущности глобализации и выработке междисциплинарного взгляда на нее.

Первичный анализ концептуальных оснований альтернативных моделей глобализации позволяет выделить несколько основных трендов в их развитии (см. схему).

<p>а) продолжение секторного подхода (прежде всего макроэкономического и геополитического), все более активное включение в анализ признаков нового мирохозяйственного и технологического укладов, политической многополярности</p>	<p>б) глобализация как новая антропологическая революция (аналог неолитической и индустриальной) с ее качественными изменениями в производстве, ценностно-мотивационной и когнитивной сфере на массовом уровне</p>	<p>в) глобализация в контексте глобального эволюционизма (Н. Ф. Федоров, К. Э. Циолковский, П. Тейяр де Шарден, В. И. Вернадский, Н. С. Кардашев) как становление космической цивилизации I уровня</p>
--	--	--

Схема. Основания альтернативных моделей глобализации

Резюмируя отмеченное, подчеркнем, что более вероятны и оптимальны поиски в русле новой антропологической революции, для понимания которой и необходим междисциплинарный подход. Институциональная среда в этом случае концентрируется вокруг задач раскрытия человеческого потенциала и эффективности его применения, а также на рисках и угрозах этого уровня функционирования

глобального социума (экология человека, а не природы вообще, экономика человека, новая гуманность).

Следует подчеркнуть, что в рамках вхождения в новую антропологическую фазу получили развитие все массовые эмансипационные процессы последнего столетия (социально-классовые, гендерные, национально-этнические и расовые, социокультурные и др.). И речь идет о реализации принципа социальной справедливости не только в сфере труда и экономических интересов, но и в сфере постматериальных интересов и ценностей, глубинных основ человеческого существования.

Следует говорить также об обновленной социально-ценностной и личностно-ориентированной эгалитарной матрице [см.: Старостин 2017; Швец 2017]. Она включает, кроме традиционно выдвигаемых ценностей личностных прав и свобод и социальной справедливости, ценности альтруизма и гуманизма, солидарности и социальной и личностной ответственности, общего дела и общего блага [см.: Старостин 2017], что формирует развитую социальную эгалитарную культуру. Поддержку данные ценности и ориентации находят прежде всего в современных социалистических и постсоциалистических движениях (неокоммунизм, социал-демократия, христианско-демократические движения и другие аналогичные религиозно-конфессиональные движения) и в появлении новых светских неоэгалитарных течений в науке, культуре, образовании [см.: Его же 2015: 42–43].

Нужно подчеркнуть, что в мире современных глобальных реалий на деле реализуется одновременно несколько глобальных стратегий, на которые мы укажем.

1) Еще в 60–70-е гг. XX в. доминантой в выборе приоритетных моделей социально-экономического развития можно было рассматривать философию безопасности и развития в условиях *устойчивого социально-экономического роста*. С тех времен, пожалуй, лишь Индия и Китай из числа крупных государств сохранили такой общий подход к развитию, что, с одной стороны, вызывает в некоторых кругах удивление и даже несогласие, поскольку, например, экономика КНР за счет этого занимает все более заметные позиции в мировой экономике. В то же время китайский феномен ускоренного экономического роста порождает и тревогу о быстром приумножении факторов риска в глобальной эколого-социальной системе.

2) Начиная с 90-х гг. XX в. стала развиваться философия безопасности и развития в условиях устойчивых глобальных межсекторных балансов и рисков, связанных с их нарушением. Это *доктрина устойчивого развития*, которая продолжает доминировать и поныне. Однако сегодня, по истечении четверти века попыток ее утвердить, возникли значительные сомнения.

3) С нашей точки зрения, что уже отмечалось выше, появляется новая философия безопасности и развития на пороге зарождения тенденций глобальной эволюционной диатропики**, обусловленной нарастанием влияния локально-цивилизационных систем. В этих рамках все более явственно заявляет о себе доктрина устойчивого роста глобального человеческого капитала (потенциала), активно поддерживаемая в последние 12–15 лет ООН и генерализирующая общий диатро-

** Термин введен известным методологом Ю. В. Чайковским [2008: 312], под чем подразумевается сопоставление рядов эволюционирующих объектов (в данном случае речь идет о локальных цивилизациях).

пический поток. В итоге речь следует вести о сопоставлении разных моделей глобальной социальной эволюции в общем потоке современной глобальной динамики.

Таким образом, уже начальный цикл, связанный с применением алгоритма междисциплинарного синтеза, позволяет обозначить основания базовых альтернативных моделей глобализации.

Резюмируя изложенные выше положения, связанные с проработкой вариантов новой философии полицентричного глобального мира, и соотнеся их с векторами поисков, предлагаемыми в докладе Римскому клубу 2018 г., нужно согласиться с их общим выводом о том, что опыт последних десятилетий глобализации показал: она не имеет успешных перспектив в реализации на социально-экономической и политической платформе капитализма и посткапитализма. В нее изначально не заложена «философия общего дела» и общечеловеческих интересов. Это действительно должна быть другая философия, нацеленная на человека, его духовные интересы и возможности личностной и общественной самореализации, не умаляющая диатропики (многообразия путей) форм развития. Социальные трансформации именно в этом направлении, способствующие росту национального и глобального человеческого капитала (потенциала), позволят успешно преодолевать трудности роста и относительные пределы на этом пути.

Думается, в связи с этим требуют корректировки и даже пересмотра те утвердившиеся в международной практике доктрины и стратегии, которые поддерживаются в настоящее время многими государствами.

Литература

Акаев А. А., Садовничий В. А. О новой методологии долгосрочного циклического прогнозирования динамики развития мировой системы и России // Прогноз и моделирование кризисов и мировой динамики / под ред. А. А. Акаева, А. В. Коротаева, Г. Г. Малинецкого. М., 2012. С. 5–69.

Альтернативные пути к цивилизации: монография / под ред. Н. Н. Крадина, А. В. Коротаева, Д. М. Бондаренко, В. А. Лынши. М. : Логос, 2000.

Бранский В. П. Философские основания проблемы синтеза релятивистских и квантовых принципов. Л. : Изд-во ЛГУ, 1973.

Глазьев С. Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. М. : Экономика, 2010.

Глобалистика. Международный междисциплинарный энциклопедический словарь / гл. ред. И. И. Мазур, А. Н. Чумаков. М.; СПб.; Н.-Й. : ИЦ «Елима», ИД «Питер», 2006.

Глобальная перестройка / отв. ред. А. А. Дынкин, Н. И. Иванова; Институт мировой экономики и международных отношений РАН. М. : Весь мир, 2014.

История и синергетика. Методология исследования / отв. ред. С. Ю. Малков, А. В. Коротаев. М. : ЛИБРОКОМ, 2009.

Кулаков Ю. И., Владимиров Ю. С., Карнаухов А. В. Введение в теорию физических структур и бинарную геометрофизику. М. : Архимед, 1992.

Метафизика. Век XXI. Альманах. Вып. 2. М. : Бином. Лаборатория знаний, 2007.

- Мировойна. Все против всех. Новейшие концепции боевых действий англосаксов. М. : Книжный мир, 2015.
- Новое понимание субъектности в различных контекстуальных полях. Ростов н/Д. : Изд-во СКАГС, 2011.
- Переслегин С. Скрытая история Второй мировой. Новый взгляд на Войну между Реальностями. М. : Эксмо, 2012.
- Старостин А. М. Философские инновации: концепция и основные сферы проявлений. Ростов н/Д. : Изд-во СКАГС, 2009.
- Старостин А. М. Прикладная философия как философская инноватика. Ростов н/Д. : Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2015.
- Старостин А. М. Элитарный и эгалитарный контекст социальной справедливости: возможна ли конвергенция? // Социальная справедливость в современном мире: сб. ст. / отв. ред. Л. И. Никовская. М. : «Ключ-С», 2017.
- Старостин А. М. Глобализация современного мира: концептуальная репрезентация. Ростов н/Д. : Изд-во РГЭУ (РИНХ), 2018.
- Турчин П. В. Историческая динамика. На пути к теоретической истории. М. : Изд-во ЛКИ, 2007.
- Чайковский Ю. В. Познавательные модели, плюрализм и выживание // Путь. Международный философский журнал. 1992. № 1. С. 62–108.
- Чайковский Ю. В. Активный связный мир. М., 2008.
- Чумаков А. Н. Глобалистика в системе современного научного знания // Вопросы философии. 2012. № 7. С. 3–16.
- Шваб К. Четвертая промышленная революция. М. : Изд-во «Э», 2017.
- Швец Л. Г. Справедливость в гендерном измерении // Социальная справедливость в современном мире: сб. ст. / отв. ред. Л. И. Никовская. М. : «Ключ-С», 2017.
- Югай Г. А. Голография Вселенной и новая универсальная философия. Возрождение метафизики и новая революция в философии. М. : Крафт+, 2007.
- Weizsaecker E., Wijkman A. Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. A Report to the Club of Rome. New York : Springer, 2018.